

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2022-10-1-10-26>

Латиноамериканский популизм: исторический контекст и современные тренды

© П.П. Яковлев, Н.М. Яковлева, 2022

Яковлев Петр Павлович, д.э.н., главный научный сотрудник Центра иберийских исследований ИЛА РАН, Москва (Россия)

Для корреспонденции: 115035, Россия, Москва, ул. Б. Ордынка, 21/16

Яковлева Наиля Магитовна, к.и.н., ведущий научный сотрудник Центра политических исследований ИЛА РАН, Москва (Россия)

Для корреспонденции: 115035, Россия, Москва, ул. Б. Ордынка, 21/16

E-mail: petrp.yakovlev@yandex.ru
(корреспондирующий автор)

E-mail: nel-yakovleva@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 23.01.2022

Доработана после рецензирования: 19.02.2022

Принята к публикации: 01.03.2022

Для цитирования: Яковлев П.П., Яковлева Н.М. Латиноамериканский популизм: исторический контекст и современные тренды. *Ибероамериканские тетради*. 2022, 10(1): 10–26. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2022-10-1-10-26>.

→ Аннотация

В статье показано, что роль популизма в истории и политической современности латиноамериканских стран – чрезвычайно значимая, актуальная, но одновременно сложная научно-практическая тема, уже не одно десятилетие вызывающая острые дискуссии в экспертном сообществе. Это объясняется рядом причин. Не в последнюю очередь – противоречивостью и неоднозначностью популизма как общественного феномена, его динамичным и вариативным характером, что постоянно выдвигает перед учеными новые исследовательские задачи, заставляет включать в сферу анализа широкий пласт дополнительного эмпирического материала. Но главное в другом. Латинская Америка – родина современного популизма. Здесь, как ни в каком другом районе мира, популизм пустил глубокие корни, стал неотъемлемой частью общественного ландшафта, специфической чертой политических процессов. Десятки видных деятелей популистского толка возглавляли правительства в большинстве государств региона, явились создателями ведущих политических партий и движений, оставили неизгладимый след в латиноамериканской истории. И по сей день популисты разных, порой противоположных, убеждений или вовсе без оных стоят во главе ведущих стран Латинской Америки, во многом формируют вектор социально-экономического развития всего региона. Все это определяет актуальность статьи и ее главную

цель – исследовать тему латиноамериканского популизма на базе новых знаний и явлений, попытаться выполнить непростую задачу осмысления политико-идеологической родословной данного явления, дать объективную оценку факторам, определяющим устойчивость популистской традиции в регионе, рассмотреть перспективы развития популистских режимов. Научная новизна работы состоит в авторской интерпретации идеологии и практики популизма, основанной на методах исторического исследования и сравнительного анализа, которая позволяет выделить черты, в той или иной мере присущие всем разновидностям популистских режимов Латинской Америки. Главный вывод, сделанный авторами, заключается в утверждении, что старыми методами, извлеченными из прошлого современными популистскими лидерами, невозможно ответить на новые вызовы, возникающие сегодня и ожидающие народы Латинской Америки в будущем.

→ Ключевые слова

Популизм, Латинская Америка, политическая борьба, популистские режимы, конкурентный авторитаризм, «ковидный популизм»

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Research article

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2022-10-1-10-26>

Latin American Populism: historical context and modern trends

© P.P. Yakovlev, N.M. Yakovleva, 2022

Petr P. Yakovlev, Dr. habil. (Economics), Chief Research Fellow, Center of Iberian Studies, ILA RAS, Moscow (Russia)
For correspondence: 115035, Russia, Moscow, Bolshaya Ordynka St., 21/16

Nailya M. Yakovleva, PhD (History), Leading Research Fellow, Center for Political Studies, ILA RAS, Moscow (Russia)
For correspondence: 115035, Russia, Moscow, Bolshaya Ordynka St., 21/16

E-mail: petrp.yakovlev@yandex.ru
(corresponding author)

E-mail: nel-yakovleva@yandex.ru

Received: 23.01.2022

Revised: 19.02.2022

Accepted: 01.03.2022

For citation: Yakovlev P.P., Yakovleva N.M. Latin American Populism: historical context and modern trends. *Cuadernos Iberoamericanos* 10, no. 1 (2022): 10–26. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2022-10-1-10-26>.

→ Abstract

The authors show that the historical and political role of populism in Latin American countries is an extremely relevant, but at the same

time complex research and practical topic, which has been causing sharp discussions in the expert community for more than a decade. This is due to the inconsistency and ambiguity of populism as a social phenomenon, its dynamic and variable nature, which constantly puts forward new research tasks to scientists. Latin America is the birthplace of modern populism. Here, as in no other region of the world, populism has long become an integral part of social landscape and a specific feature of political processes. Dozens of prominent populist figures headed governments in most states of the region, were the creators of leading political parties and movements, left an indelible mark on Latin American history. Up to this day, populists of different beliefs largely form a vector of socio-economic development of an entire region. All this determines relevance of the article, and its main goal is to explore the topic of Latin American populism, its ideological pedigree and perspectives on the basis of new knowledge and phenomena. The novelty of the work is the interpretation of ideology and practice of populism, based on the methods of historical research and comparative analysis, which makes it possible to identify features of populist regimes in Latin America. The main conclusion made by the authors is the assertion that it is impossible to use old populist methods to respond to new challenges that await the peoples of Latin America in the future.

→ Keywords

Populism, Latin America, political struggle, populist regimes, competitive authoritarianism, "covid populism"

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the authors.

В Латинской Америке популизм был и остается важным фактором исторического процесса, примером мультиклассовой националистической политики с упором на построение нации под авторитарным руководством единого харизматического вождя (каудильо). На протяжении многих десятилетий латиноамериканский популизм демонстрировал уникальную способность улавливать насущные интересы и общественно-политические запросы значительных масс населения и в концентрированном виде направлять их устремления в нужном популистским лидерам направлении. По мнению классика современной политологии аргентинца Эрнесто Лакло, которого нередко называют «философом популизма», секрет такой «живучести» в том, что латиноамериканский популизм «глубоко демократичен», поскольку в своей идеологии активно использует дихотомию «народ – элиты» и способен включать многочисленные маргинальные сегменты населения в сферу национальной политики¹. Действительно, пусть частично, нередко в искаженной форме, но популизм реализует надежды и чаяния масс, и это позволяет ему удерживать широкие социальные слои под своим идейно-политическим влиянием. При этом главной целью популистских лидеров, принимающих отдельные решения в интересах большинства, является сохранение (или обретение) власти путем победы на выборах, которую избиратели (массы) обеспечивают вождю «в обмен на перераспределение в их пользу государственной ренты»².

Как показывает исторический опыт стран Латинской Америки, популизм – удобный инструмент социально-политической манипуляции. Его концептуальный алгоритм включает в себя превращение демагогии в «оружие массового поражения»¹, разделение латиноамериканских обществ на «своих» и врагов, педалирование националистической темы, отрицание (де-юре или де-факто) фундаментальных принципов представительной демократии, дисфункциональное подчинение экономики текущим партийно-политическим задачам. Нередко в сложных и неоднозначных ситуациях политики популистского толка стремятся приспособиться к волатильным настроениям широких масс, двигаясь в пределах существующего идеологического спектра справа налево и слева направо в зависимости от конъюнктуры.

Идеология и практика латиноамериканского популизма

За многие десятилетия своей бурной и неоднозначной истории латиноамериканский популизм не только выдвинул из своих рядов целую когорту масштабных государственных деятелей (бразильца Жетулиу Варгаса, аргентинца Хуана Доминго Перона, мексиканца Ласаро Карденаса, венесуэльца Уго Чавеса, боливийца Эво Моралеса и др.), радикально изменивших траекторию развития своих стран, но и пополнил мировой идейно-концептуальный арсенал своеобразной системой взглядов, на которой зиждилось его политическое существование и беспрецедентная живучесть.

Авторская интерпретация идеологии и практики популизма, основанная на методах исторического исследования и сравнительного анализа, позволяет выделить десять базовых принципов, в той или иной мере используемых всеми разновидностями популистских режимов региона:

1. Сильный, ярко выраженный националистический уклон, на политико-пропагандистском уровне зачастую принимающий антиимпериалистический и антиамериканский характер. Парадигмальный исторический пример: когда Хуан Доминго Перон² впервые избирался президентом Аргентины в 1946 г., сторонники всерьез считали его оппонентом посла США Спрюилла Брейдена (лозунг «Брейден или Перон»), а не кандидата коалиции Демократический союз Хосе Тамборини.

2. Ставка на государственное вмешательство в экономику, приверженность модели индустриализации на базе импортозамещения, использование методов «ручного управления» хозяйственными процессами, противодействие росту влияния иностранного капитала и открытию местных рынков международной конкуренции. «Потребительское» отношение к экономике предельно откровенно сформулировал Х.Д. Перон в письме президенту Чили Карлосу Ибаньесу дель Кампо. Аргентинский лидер рекомендовал чилийскому коллеге: «Давайте народу, особенно трудящимся, все, что можете. Когда Вам покажется, что уже дали много, дайте еще. Увидите результат. Все будут запугивать Вас химерами экономических последствий. Это неправда. Нет ничего более эластичного, чем экономика, которую все боятся, потому что не понимают»³.

3. Наличие сильного харизматического вождя с характерными чертами традиционного латиноамериканского каудильо середины XIX – начала XX вв. Популистский

1 Álvarez 2017, 83.

2 Хуан Доминго Перон трижды избирался президентом Аргентины – в 1946, 1952 и 1973 гг. Умер на посту в июле 1974 г. Его имя неофициально сохраняется в названии созданной им Хустисиалистской (перонистской) партии (ХП). Политическое движение, а также идеология и мировоззрение, унаследованные от Х.Д. Перона, называются перонизмом или, значительно реже, хустисиализмом (от исп. слова justicia – справедливость).

3 "16.03.1953. Carta de Perón al presidente de Chile, Gral Ibáñez del Campo," Archivoperonista.com, accessed January 15, 2022, <http://archivoperonista.com/documentos/correspondencia/1953/carta-peron-al-presidente-chile-gral-ibanez-campo/>.

лидер, как правило, политически позиционируется в качестве «незаменимого», а потому остается (или стремится остаться) во власти максимально долго, даже если для этого необходимо внести соответствующие изменения в конституцию или вовсе отменить ее действие. Надо признать, что современные латиноамериканские популисты действовали более разнообразно и проявили изрядную смекалку в этом деликатном вопросе, прибегая к матримониальной альтернативе, народным референдумам, решениям подконтрольных ветвей власти – законодательной или судебной.

4. Установление прямой вертикальной коммуникации между вождем и массами, что лишает посреднических функций существующие политические партии и де-факто отодвигает их на задний план. Что касается оппозиционных партий, то отношение к ним со стороны власти варьируется от разного рода административно-правовых ограничений до полного запрета и репрессий.

5. Глубокий и устойчивый антилиберализм, отрицание базовых институтов буржуазной представительной демократии и выдвижение на их место механизмов «прямой демократии» – создание контролируемых властью каналов общественной мобилизации. Эти мировоззренческие подходы, впервые с особым успехом примененные перонистами, впоследствии получили региональное распространение.

6. Стигматизация социальных групп, навешивание ярлыков, постоянное стремление политически расколоть страну на «родину» и «неродину», поляризовать общество, разделить его на «своих» и «чужих», представить любых противников режима (а нередко и вполне нейтральных, пассивных граждан) в качестве «врагов нации». При этом, разумеется, сторонники «родины» щедро наделяются всеми мыслимыми и немыслимыми положительными качествами, а «адепты неродины» – исключительно отрицательными характеристиками.

7. Доминирование феномена клиентелизма – специфической общественной системы иерархических взаимоотношений между патроном (популистским лидером) и клиентами (народными массами). Эта система предоставляет доступ к экономическим и социальным благам, а также назначение на престижные посты в обмен на безусловную лояльность и поддержку на выборах (если они проводятся). Причем исследователи подметили парадоксальное явление, характеризующееся как «одно из главных противоречий популизма»¹. А именно: несмотря на многочисленные заявления и обещания, популистская власть на деле не заинтересована в ликвидации социального неравенства и искоренении бедности, поскольку сохранение ареалов малоимущих граждан, материально зависящих от государства, закрепляет отношения патрон – клиент.

8. Вольное обращение с законом и нормами законности. Существующие правовые институты рассматриваются в виде препятствия на пути проведения правительственного курса и установления «подлинно демократического порядка», а потому могут быть с легкостью изменены или дезавуированы. В качестве объяснения таких действий, как правило, делаются ссылки на «интересы нации» или «большинства народа». В доктринальных документах перонизма прямо указано: «при подлинной демократии правительство делает то, чего хочет народ, и защищает только интересы народа»².

9. Взгляд на верховную власть как на нечто, полученное раз и навсегда и ни при каких обстоятельствах не подлежащее передаче в «чужие руки». Отсюда – три фундаментальных вывода: а) оппозиционные партии и организации не следует допускать к реальному участию в управлении (особенно на уровне исполнительной власти); б) необходимо исключить возможность ротации политических сил во власти; в) государ-

1 Malamud 2010, 48.

2 "Las 20 verdades peronistas," Proyecto Peron Perón, accessed January 16, 2022, http://www.peronperon.com.ar/img/20_verdades.pdf.

ственные ресурсы, включая финансовые, должны быть поставлены на службу интересов правящего режима.

10. Опорой популистской власти и носителем революционных идей в определенные исторические моменты могут стать вооруженные силы, что случалось, в частности, в Перу и Панаме. Для этого следует «пропитать» армию и другие силовые структуры идеологией национализма, поставить во главу угла концепцию национальной безопасности, трактуемую как политический заслон от нежелательного «иностранного влияния» и проникновения «враждебных идеологий»¹.

Исследуя «анатомию популистской ментальности», латиноамериканские авторы Аксель Кайсер и Глория Альварес отметили и такие ее черты, как пренебрежение к личной свободе человека и преклонение перед государством; склонность к виктимности (подверженности комплексу жертвы), при которой ответственность за собственные просчеты всегда перекладывается на других; «антилиберальная паранойя» – убежденность в том, что неолиберализм и рыночная экономика являются причиной бедности; активно проводимая в массы идея равенства, используемая как предлог для повышения роли государственных органов, но на деле прикрывающая бесконтрольное обогащение властной верхушки².

Таким образом, арсенал популистских идей и концептуальных подходов предстает весьма обширным, а сами эти теоретические конструкты (изложенные в доходчивой форме) вполне могут привлечь симпатии электората, что неоднократно демонстрировали избирательные кампании в латиноамериканских странах в XX и XXI вв.

Волны популизма: XX век

В зарубежной и отечественной научно-политической литературе, как правило, выделяли три этапа (три волны) развития латиноамериканского популизма: «классический популизм» периода 1930–1970-х гг.; «неолиберальный популизм» (или «неопопулизм») 1990-х гг.; «боливарианский популизм» 1999–2013 гг.³ События, вызванные социально-экономическим и политическим воздействием пандемии коронавируса COVID-19 на латиноамериканские страны, позволяют говорить о новой, четвертой волне популизма в регионе («ковидном популизме»).

Первая и самая длительная волна становления и максимальной активности латиноамериканского популизма явилась следствием кризиса, охватившего Латинскую Америку на рубеже 1920–1930-х гг. К этому моменту морально и материально исчерпала себя ориентированная на зарубежные рынки модель постколониального экономического роста, основными выгодоприобретателями которой были крупные латифундисты – аграрная олигархия. В странах региона развернулась борьба за выбор пути дальнейшего развития, предоставившая сторонникам популизма возможность заявить о себе и в целом ряде случаев добиться весомых результатов. Причиной успехов стало то, что популистское видение перспектив национального развития в большей мере, нежели существовавшие альтернативные общественные проекты (консервативно-олигархический, прокоммунистический и профашистский), отвечало запросам основных масс населения⁴.

Политическое рождение и пик влияния популизма неразрывно связаны с именами таких исторических фигур Латинской Америки, как Жетулиу Варгас, президент

1 Guerrero 1996.

2 Kaiser and Álvarez 2016.

3 Варенцова 2014.

4 Halperin 2013.

Бразилии в 1930–1945 и 1950–1954 гг. и основатель так называемого «Нового государства», Ласаро Карденас, президент Мексики в 1934–1940 гг., а также упомянутый выше Хуан Доминго Перон. Дважды становился главой Венесуэлы Ромуло Бетанкур (в 1945–1948 и в 1959–1964 гг.). Они заложили идейно-политические основы популизма и явились главными проводниками в жизнь популистских воззрений на государственное и общественное устройство, но похожие политические тенденции дали о себе знать и в некоторых других странах региона, где деятели популистского толка становились главами государства. В частности, звание «самого упорного популиста» вполне заслуживает эквадорец Хосе Мария Веласко Ибарра, который пять (!) раз становился президентом своей страны, четырежды был свергнут военными и только один раз «досидел» до конца президентского срока.

Эпоху популизма в Латинской Америке открыл выдающийся бразильский государственный деятель Ж. Варгас. Придя к власти в 1930 г., он, выражаясь современным языком, выступил носителем идеи модернизации Бразилии, которая долгие годы оставалась вотчиной аграрной олигархии, разбогатевшей на экспорте кофе и некоторых других сельскохозяйственных товаров и тормозившей промышленное развитие страны.

Великая депрессия 1929–1933 гг. резко ухудшила и без того не блестящее экономическое положение Бразилии, а пример «Нового курса» Франклина Рузвельта подсказал Ж. Варгасу направление выхода из кризиса: стимулирование хозяйственного роста через усиление роли государства в экономике, индустриализацию, крупные инфраструктурные проекты и повышение жизненного уровня промышленного пролетариата. При этом бразильский президент, как бы прокладывая путь будущим латиноамериканским популистским лидерам, «попытался встать над классами, представить себя в качестве национального вождя и даже “националистического пророка” всей Латинской Америки», – отмечалось в коллективной монографии советских латиноамериканистов¹.

«Выражением истинно мексиканской версии латиноамериканского популизма» назвал аргентинский исследователь Флавио Колина политику Л. Карденаса – героя революции 1910–1917 гг. и одного из немногих популистских лидеров, который, «отработав» положенный ему президентский срок, не переписывал под себя основной закон страны, чтобы продлить собственное пребывание во власти².

Вместе с тем Л. Карденас правил твердой рукой, поставив под свой контроль армию, законодательную власть, губернаторов штатов, аппарат правящей партии, ключевые профсоюзы, без колебаний расставался с прежними политическими союзниками, если это позволяло продвигаться к главной намеченной цели – укреплению национального суверенитета и экономической самостоятельности Мексики, созданию бесклассового общества. Этой цели служили и реформы, частично проведенные на базе национализации собственности иностранных нефтяных и инфраструктурных компаний. В числе главных преобразований: формирование государственного сектора в экономике, аграрная реформа и поощрение общинного земледелия, ликвидация массовой неграмотности, стимулирование объединения рабочих в профсоюзы, общее улучшение условий труда. В сфере внешней политики Мехико стремилось к укреплению национального суверенитета. Все это должно было подготовить переход к социализму, но объективно расчищало завалы на пути капиталистического развития.

После истечения (1 декабря 1940 г.) срока президентских полномочий Л. Карденаса к власти пришли умеренные политические круги, представлявшие интересы

1 Шульговский 1976, 86.

2 Flavio Colina, “El Populismo como expresión política latinoamericana,” La Facultad de Derecho de la Universidad Nacional de Lomas de Zamora, accessed January 19, 2022, <http://www.derecho.unlz.edu.ar/alumnos/PLANNUEVO/05%20galderisi/archivos/El%20Populismo%20latinoamericano%20y%20Cardenas%20-%202016%20B.pdf>.

заметно окрепшей национальной буржуазии и спустившие на тормозах процесс радикальных преобразований. Правда, многое из того, что успел сделать Л. Карденас (сильный госсектор, влиятельные профсоюзы, социальные гарантии трудящимся, самостоятельный внешнеполитический курс и др.), осталось в активе мексиканского общества.

Во второй половине 1940-х гг. знамя популизма в Латинской Америке подхватил Х.Д. Перон. В публичном выступлении 17 октября 1950 г. он сформулировал доктрину перонизма – Двадцать истин перонистского хустисиализма (от испанского слова «Justicia» – справедливость), положенных в основу идеологии этого социально-политического движения и оказавших мощное концептуальное воздействие на национально ориентированные общественные силы государств латиноамериканского региона¹. В те же годы определился и основной политический оппонент популистских режимов первой волны – реакционно настроенные военные, зачастую выражавшие интересы земельной олигархии и пропитанные неприятием коммунистических взглядов, сторонниками которых военный истеблишмент далеко не всегда обоснованно считал популистов. В 1930-е гг. популисты и военные практически одновременно вышли на политическую сцену, и в последующие десятилетия между ними велась борьба, завершившаяся победой реакционных военных кругов в 1950–1960-х гг. В сентябре 1955 г. армейская верхушка свергла Х.Д. Перона и запретила деятельность ХП, а 1 апреля 1964 г. более чем на два десятилетия (до 15 марта 1985 г.) был установлен военно-технократический режим в Бразилии. Но вот что важно отметить: на всех последующих витках латиноамериканской истории то, что провозгласили и (частично) сделали «классические популисты», осталось в региональном политическом обороте. Другими словами, даже самые непримиримые противники популизма, угрожавшие «стереть его в порошок», придя к власти, в своей деятельности парадоксальным образом сочетали отрицание «проклятого популистского прошлого» с продолжением многих направлений социально-экономической политики популистских режимов. Таким образом, сам факт политического поражения «классических популистов» не означал ухода в историю популизма как общественного явления.

Вторая волна латиноамериканского популизма, характеризующаяся в научной литературе как «неолиберальная» или «неопопулистская», пришлось на последнее десятилетие XX в. К началу этого периода гражданским властям удалось заглушить «сабельный звон» в политике и «отправить военных в казармы», радикально ослабив их влияние. По сути, ушла в историю эпоха военных переворотов и правительственных кабинетов, возглавлявшихся высшими чинами армии и флота. Это было важнейшим изменением во внутривластной обстановке региона, одной из несущих опор процесса политической демократизации и экономической модернизации, старт которому был дан в первой половине 1980-х гг. с приходом к власти гражданских правительств в Аргентине и Бразилии². Сказанное отнюдь не означает, что в 1990-е гг. и в последующие десятилетия не было фактов вмешательства латиноамериканских военных в политические события. Но, как правило, представители вооруженных сил и других силовых структур действовали под контролем и в интересах отдельных ветвей гражданской власти.

В последнее десятилетие XX в. стал очевидным рост влияния неолиберальной (рыночной) идеологии в мире в целом и в Латинской Америке в частности. В представлении сторонников рыночной экономики латиноамериканское общество выступает как некая «недоразвитая» разновидность западного социума, которую можно и нужно «исправлять» и тем самым «подтянуть» до уровня развитых стран Запада. Конечно, это явное упрощение, но под влиянием такого рода идей и под впечатлением бурного развития глобализации часть латиноамериканских приверженцев популизма пережила опре-

1 «Las 20 verdades peronistas.»

2 Чумакова 2009.

деленную мутацию сознания и восприняла изначально чуждые им рыночные, неолиберальные концепты¹.

Одним из таких «популистов-мутантов» был видный перонист, ученик и сподвижник Х.Д. Перона Карлос Сауль Менем, занявший в 1989 г. пост президента Аргентины. К.С. Менем шел на выборы под традиционными перонистскими лозунгами, хотя его экономическая «команда» уже готовила программу достаточно радикальных рыночных реформ. Как признавался затем сам К.С. Менем, он не мог открыто объявить о своих политических намерениях, поскольку «тогда за него ни за что бы не проголосовали перонистские массы». По существу, это известная циничная формула «замани и измени политику» (bait-and-switch). Перонисты проголосовали за К.С. Менема, но не стали главными бенефициарами проводившейся (строго в соответствии с положениями Вашингтонского консенсуса) неолиберальной экономической политики. Единственным принципиальным нарушением достаточно жестких требований этого декалога неолиберализма в аргентинских условиях явился растущий бюджетный дефицит и беспрецедентный рост суверенной задолженности, что в конечном итоге привело к самому крупному в мировой истории дефолту (2001 г.) и обрушило экономику и социальную сферу. Таков был печальный финал правления «неолиберальных популистов» в Аргентине.

На исходе XX в. смена политических вех произошла и в другой крупной южноамериканской стране – Перу, где 28 июля 1990 г. президентом стал перуанец японского происхождения Альберто Фухимори, сменивший на этом посту деятеля левого толка Алана Гарсию Переса². Подобно К.С. Менему, А. Фухимори пришел к власти под популистскими знаменами и с щедрыми обещаниями, адресованными широким слоям перуанского населения, смертельно уставшего от финансово-экономических неурядиц и последствий длительной вооруженной борьбы правительственных войск с партизанскими группами маоистского толка. Однако, как отметила чилийский политолог Лесли Венер, став президентом, А. Фухимори сохранил только риторику «классического популизма» и маску харизматического народного лидера, но в области социально-экономической политики далеко отошел от постулатов популизма. В итоге родилась идейно-политическая смесь неолиберализма с «неопопулизмом», ставшая своеобразной приметой времени³. Известный американский политолог Стивен Левицкий и его австралийский коллега Джеймс Локстон назвали это гибридное явление, получившее распространение и в Европе, «конкурентным авторитаризмом» (competitive authoritarianism)⁴.

А. Фухимори вошел в историю как уникальный политический деятель, поскольку ему атрибутируют почти все черты, присущие популизму в разных его вариациях. Такая политическая «всеядность» дала повод ввести в оборот термин «фухиморизм» (fujimorismo), чтобы подчеркнуть специфический характер и самого политика, и созданного им режима, просуществовавшего одно десятилетие (до 22 ноября 2000 г.), но оставившего глубокий след в политической истории Перу. Более того, дочь А. Фухимори, Кейко Фухимори, продолжая дело отца, активно включилась в политику и трижды (в 2011, 2016 и 2021 гг.) выставляла свою кандидатуру на президентских выборах. Неудачи с проведением рыночных реформ в «хрупких демократиях» Латинской Америки (выражение американского политолога Курта Вейланда) изменили политический климат в регионе, дав шанс прийти к власти популистам иной формации⁵.

1 Guadagni 2004.

2 Ткаченко 2002.

3 Wehner 2004.

4 Mudde and Kaltwasser 2012, 160.

5 Weyland 2002.

Популизм нового столетия

Третья, самая мощная волна популизма в Латинской Америке стала частью, по сути, общемирового роста влияния популистских движений¹. В регионе она получила наименование «боливарианской», поскольку с максимальной силой дала о себе знать в Венесуэле, охватила 1999–2013 гг. и вошла в историю во многом благодаря суперактивной политической деятельности плеяды ярких, внутренне противоречивых и очень разных популистских лидеров.

Феномен «нового лидерства» был связан с именами венесуэльцев Уго Чавеса и Николаса Мадуро, бразильцев Луиса Инасиу Лулы да Силвы и Дилмы Руссефф, аргентинцев Нестора Киршнера и Кристины Фернандес де Киршнер, боливийца Эво Моралеса, никарагуанца Даниэля Ортеги, чилийки Мишель Бачелет, эквадорца Рафаэля Корреа и некоторых других. В подавляющем большинстве случаев речь идет о политиках левой или левоцентристской ориентации, включая сторонников «социализма XXI века»². При всех различиях (мировоззренческих, политических, социокультурных) их объединяли базовые черты, своего рода популистский архетип, что и позволяет говорить о новом этапе популизма в латиноамериканском регионе. Именно в эти годы популизм стал реальной политической альтернативой буржуазным режимам представительной демократии в Латинской Америке, которые отвоевывали «место под солнцем» после десятилетий доминирования военных режимов.

Всплеск популизма в этот период, особенно в так называемое «золотое десятилетие» (2003–2012 гг.), имел под собой серьезный экономический фундамент. Тенденция к росту цен на природные ресурсы и продовольствие, наблюдавшаяся (хотя и с периодическими контртенденциями) в первые десятилетия XXI в., в целом улучшила макроэкономическую ситуацию в Латинской Америке, укрепила позиции латиноамериканских государств на международной арене³. В финансовом отношении благоприятная мировая конъюнктура позволила странам региона заметно нарастить бюджетные расходы. По идее, это давало в руки правивших популистских режимов значительные дополнительные средства для ощутимого улучшения социального положения в своих странах. Однако власти в большинстве случаев нерационально расточали государственные ресурсы, обрекая национальную экономику на «финансовое малокровие» и стагнацию. В результате рост расходов не обеспечил решения насущных социальных проблем, и в конечном итоге политика властей вызвала широкое недовольство.

Ярким выражением общественного брожения стали массовые протестные выступления, прокатившиеся по странам Латинской Америки в 2019 г. Почему так произошло? Триггерами протестов в различных государствах региона были самые разные причины, но все их объединяла одна общая черта – накопившееся несогласие населения с наступлением (зачастую вынужденным и экономически неизбежным) властей на его материальные интересы. В данном случае популистские режимы Латинской Америки попали в политическую ловушку, которую они сами соорудили в так называемые годы «тучных коров» – высоких экспортных доходов, – приучив миллионы граждан к жизни на субсидии и государственные подачки⁴. Когда разразился кризис, и ситуация повернулась в худшую сторону, субсидии и подачки сократились. Как отмечал российский эксперт З.В. Ивановский, «леворадикальные и левоцентристские правительства не смогли выполнять декларируемые социальные программы...»⁵. Согласно данным Всемирно-

1 Паин, Федюнин 2019.

2 Яковлева 2018.

3 Яковлев 2015.

4 Яковлев, Яковлева 2020.

5 Ивановский 2019, 17.

го банка, в период мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. в 131 стране провели 287 структурных реформ, нацеленных на развитие рыночных начал в экономике, правовую и административную защиту частной собственности, более активное участие развивающихся государств в международной торговле. Таким был ответ большей части международного сообщества на первый глобальный кризис XXI в.¹

Особой была реакция Латинской Америки, где в тот момент политические позиции популизма были сильнее, чем в других районах мира. В частности, одной из стран, избравших совершенно иной макроэкономический сценарий – «плыть против течения», была Боливарианская Республика Венесуэла. Поставив целью строительство «социализма XXI в.», У. Чавес неоднократно заявлял, что «будущее капитализма в Венесуэле – это кладбище», и предпринял радикальный эксперимент, закончившийся тяжелейшими последствиями для национальной экономики и социальной сферы: обрушением добычи и экспорта нефти (главного экспортного продукта), сокращением промышленного и аграрного производства, разгулом коррупции, регулярными перебоями со снабжением продовольствием, медикаментами и поставками электроэнергии, острой нехваткой многих потребительских товаров, гиперинфляцией (в 2020 г. – 2 959,8%), массовым обнищанием населения, которому был обещан «социалистический рай», и бегством из страны миллионов венесуэльцев².

«Реформистский паралич» середины и второй половины 2010-х гг., когда необходимые институциональные и структурные преобразования откладывались в долгий ящик, в сочетании с революционными экономическими экспериментами неизбежно привели к ухудшению социально-экономического положения в целом ряде латиноамериканских стран, включая крупнейшие (Аргентину, Бразилию, Венесуэлу). Это выбило финансовую опору из-под ног популистских режимов, чья хозяйственная стратегия становилась все менее эффективной, а патерналистский курс в социальной сфере – откровенно несостоятельным, не выдержавшим испытания временем. Был еще один весомый кризисный фактор, «подливший масла в огонь» массовых протестных выступлений 2019 г. А именно: чрезмерное усиление роли государства (а на практике – конкретных ведомств и учреждений) в экономике нередко оборачивалось всевластием чиновничества, действовавшего в личных корыстных интересах, что не могло не вызвать негативной реакции как деловых кругов, так и широких слоев населения. «Массовые злоупотребления полномочиями и коррупция, – пишет российский латиноамериканист Д.В. Разумовский, – стали мощнейшим общественным раздражителем»³. С таким незавидным политическим багажом страны Латинской Америки встретили вызов, брошенный пандемией коронавируса.

Популистские режимы перед вызовами COVID-19

Латинская Америка стала районом мира, в максимальной степени охваченным коронавирусной инфекцией. Пандемия COVID-19 не только высветила неблагополучное эпидемиологическое положение региона, обнажила проблемы систем здравоохранения, но также обострила уже существовавшие экономические и социально-политические противоречия Латинской Америки, усугубила кризис в общественных отношениях стран региона⁴. Именно пандемия придала «второе дыхание» отдельным региональным

1 Manrique 2013, 85.

2 Amelia Cheatham, and Diana Roy, "Venezuela: The rise and fall of a petrostate," Council of Foreign Relations, accessed January 12, 2022, <https://www.cfr.org/backgrounders/venezuela-crisis>.

3 Разумовский, Д.В. Латинская Америка. Запрос на новый общественный договор [Электронный ресурс] // Свободная Мысль. URL: <http://www.svom.info/entry/1099-latinskaya-amerika-zapros-na-novyy-obshestvennyj-d/> (дата обращения: 16.01.2022).

4 Яковлева, Яковлев 2020, 83–85.

политическим феноменам и движениям, которые накануне коронакризиса в значительной мере утратили исторический драйв. В первую очередь это коснулось представителей латиноамериканского популизма, потерпевших в середине и второй половине 2010-х гг. ряд тяжелых неудач или вынужденных уйти в отставку в связи с истечением их президентских полномочий. Напомним канву основных событий:

- 2015 г. – поражение перонистов на всеобщих выборах в Аргентине и приход к власти оппозиционной коалиции во главе с Маурисио Макри.
- 2016 г. – импичмент президенту Бразилии Дилме Руссефф и назначение на пост главы государства вице-президента Мишела Темера, политика умеренных взглядов.
- 2017 г. – отбывший из страны после ухода в отставку с поста президента эквадорский популист Рафаэль Корреа был обвинен судом в совершении уголовного преступления и объявлен в международный розыск.
- 2018 г. – завершение президентских полномочий Мишель Бачелет, приход к власти в Чили бизнесмена консервативных взглядов Себастьяна Пиньеры.
- 2019 г. – уход в отставку в результате массовых протестов и давления со стороны оппозиции и армии многолетнего лидера Боливии Эво Моралеса, обвиненного в фальсификации результатов президентских выборов.
- 2020 г. – окончание срока президентских полномочий популиста Джимми Эрнесто Моралеса Кабреры в Гватемале и избрание правоцентриста Алехандро Джамматтеи.

Разумеется, политическое отступление популизма во второй половине 2010-х гг. не было ни тотальным, ни (как выяснилось) окончательным. Если в одних случаях популистские режимы были отодвинуты от власти, то в других – представители латиноамериканского популизма в скором времени либо вернулись к рычагам государственного управления, либо впервые заняли командные политические высоты в своих странах. Имели место и неудачные попытки популистов победить на выборах, но даже само их участие в избирательных кампаниях явилось новым свидетельством удивительной живучести популизма как общественного феномена. Все это, по определению американского либерального политолога Тома Палмера, подготовило «вселяющий ужас подъем авторитарного популизма»¹.

Международное значение приобрел тот факт, что лидеры популистского толка практически одновременно пришли к власти в трех крупнейших и наиболее экономически развитых странах Латинской Америки: Аргентине, Бразилии и Мексике.

Умело использовав объективные трудности и тактические просчеты правительства М. Макри, а также широкое недовольство населения сложным экономическим положением, к власти в Аргентине под традиционными лозунгами и с обычными популистскими обещаниями в очередной раз вернулись перонисты. Пикантность ситуации состояла в том, что пост президента занял хотя и известный в стране деятель, но отнюдь не политический тяжеловес, а политик скорее второго ряда Альберто Фернандес. Зато вице-президентом стала К. Фернандес де Киршнер, играющая, по мнению многих исследователей, роль «серого кардинала»².

Событием регионального масштаба явилась победа на президентских выборах в Бразилии бывшего военного Жаира Болсонару, сумевшего во втором туре разгромить

1 Tom G. Palmer, "The terrifying rise of authoritarian populism," Cato Institute, accessed January 14, 2022, <https://www.cato.org/commentary/terrifying-rise-authoritarian-populism>.

2 Federico Sturzenegger, "Kirchnerism's Paradoxical Staying Power," *Americas Quarterly*, June 9, 2021, <https://www.americasquarterly.org/article/kirchnerisms-paradoxical-staying-power/>.

кандидата левой Партии трудящихся Фернанду Аддада. Являясь поклонником политики времен военной диктатуры 1964–1985 гг., Ж. Болсонару заявил о себе как о стороннике правопопулистских, националистических и консервативных взглядов, непримиримом критике институтов представительной демократии и левых сил¹. В начальный период пандемии эпатажный бразильский лидер («Тропический Трамп») получил неоднозначную мировую известность, назвав коронавирус «легким гриппом» и отказавшись вводить карантинные ограничения на федеральном уровне (они вводились местными властями на свой страх и риск), что привело к резкому росту числа инфицированных, а Бразилия долгое время занимала второе место в мире (после США) по количеству заболевших и умерших от COVID-19. Эту драматическую ситуацию российский ученый Л.С. Окунева метко определила как «пандемия и политика», показав их неразрывную связь².

Завидную настойчивость в достижении поставленной цели продемонстрировал Андрес Мануэль Лопес Обрадор, ставший в 2018 г. президентом Мексики. Это была его третья президентская кампания, в ходе двух предыдущих (2006 и 2012 гг.) он «приходил к финишу вторым». С точки зрения понимания стратегии и тактики латиноамериканского «ковидного популизма» идеология и политический курс А.М. Лопеса Обрадора, позиционирующегося как социалист, дают богатый материал для анализа и размышлений. Остановимся на ключевых моментах, во многом объясняющих (на примере этого мексиканского лидера) причины успехов популистских режимов в Латинской Америке.

Во-первых, в ходе борьбы за президентский пост А.М. Лопес Обрадор сменил несколько политических партий, включая много лет доминировавшую в Мексике Институционально-революционную (ИРП), и создал собственную организацию социалистической ориентации – Движение национального возрождения (МОРЕНА), – ставшую основой победившей в 2018 г. коалиции «Вместе мы сделаем историю». По мнению отечественных исследователей, убедительная победа кандидата МОРЕНА (он получил более 53% голосов) «означала коренной перелом в расстановке политических сил Мексики», поскольку отодвинула от власти дискредитировавших себя представителей традиционных партий, в первую очередь ИРП³.

Во-вторых, А.М. Лопес Обрадор продемонстрировал свойственное популистам точное понимание культурного архетипа простого мексиканца. Отсюда – практически постоянная апелляция к «славному прошлому» и его главным носителям – все еще многочисленному мексиканскому крестьянству, опора на так называемых «забытых людей» (индейцев, работников неформального сектора), жесткая критика в адрес феминисток, меры по экономии расходов на бюрократический аппарат с одновременным повышением минимальной заработной платы и т.д. В том же ряду – непримиримость к идеологическим противникам, «разносчикам либерального вируса», стойкая аллергия на критику.

В-третьих, нынешнего мексиканского президента вполне можно считать не только практиком, но и теоретиком латиноамериканского популизма. Он – автор около двух десятков книг, в которых на материале мексиканской истории и современного положения страны рисует достаточно полную картину своих политических взглядов. Например, в книге «Выход 2018: упадок и возрождение Мексики» автор называет главной проблемой мексиканского государства коррупцию и призывает всех мексиканцев объединиться в борьбе с этим общественным злом. Победа над коррупцией, считает А.М. Лопес Обрадор, поможет разрешить и другие узкие места мексиканской жизни⁴.

1 Окунева 2020(b), 337–382.

2 Окунева 2020(a), 21.

3 Боровков 2019, 62.

4 López Obrador 2017.

Помимо Аргентины, Бразилии и Мексики, популистские режимы сохранились или утвердились в Боливии, Венесуэле, Никарагуа, Перу, Сальвадоре. В разгар распространения эпидемии коронавируса в Латинской Америке лидеры популистского толка стояли во главе восьми стран региона.

Во многом уникальная ситуация сложилась в ходе президентских выборов 2021 г. в Перу, где во втором туре лоб в лоб столкнулись носитель левопопулистских взглядов, бывший школьный учитель и профсоюзный деятель Педро Кастильо и верная продолжательница дела своего отца Кейко Фухимори, представлявшая правопопулистский фланг политического спектра. «Кастильо и Фухимори соревнуются в степени собственного популизма», – комментировали ход избирательной кампании международные информационные агентства и подчеркивали, что оба кандидата давали заведомо невыполнимые в условиях Перу обещания¹.

Накопленный в регионе политический опыт говорит о том, что периоды кризисов – благодатное время для роста влияния левого и правого популизма. Коронакризис не стал исключением из этого правила. «Ковидные популисты» явно оживились и, организационно не сговариваясь, но выступая синхронно, предприняли попытку выдвижения программы, альтернативной либерально-демократическому проекту, в большинстве случаев не имевшему однозначного и долговременного успеха в латиноамериканских странах, не в последнюю очередь из-за яростного сопротивления тех же популистов.

В условиях пандемии в ряде стран ощутимо повысилась социальная значимость служащих вооруженных сил, что в решающей степени было связано с их активным участием в борьбе с негативными эффектами и последствиями COVID-19. Это дало повод утверждать, что латиноамериканские военные после сравнительно долгого периода нахождения в «политической тени» вернулись на авансцену национальной политики в драматический момент истории стран региона.

Конечно, изменение роли вооруженных сил – не единственная общественно-политическая трансформация, назревавшая в недрах латиноамериканского социума и ускоренная в условиях пандемии. Кризисные потрясения последних лет обусловили тот факт, что в Латинской Америке формируется новая реальность, которая характеризуется появлением принципиально иных (по сравнению с предыдущими историческими периодами) вызовов. Ответ на них, видимо, предстоит дать уже новым элитам, а не традиционным режимам, включая популистские, уходящим ментальными корнями в прошлый век.

→ Список литературы / References

Боровков, А.Н. Мексика на новом историческом повороте // *Латинская Америка*. – 2019. – №7. – С. 61–75. <https://doi.org/10.31857/S0044748X0005398-6>.

Borovkov, A.N. "A new historical turnaround in Mexico." *Latinskaya Amerika* 7 (2019): 61–75. <https://doi.org/10.31857/S0044748X0005398-6>. [In Russian]

Варенцова, О.Б. Три волны популизма в Латинской Америке // *Вестник МГИМО–Университета*. – 2014. – №6(39). – С. 153–160. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2014-6-39-153-160>.

Varentsova, O.B. "Three waves of populism in Latin America." *MGIMO Review of International Relations* 39, no. 6 (2014): 153–160. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2014-6-39-153-160>. [In Russian]

1 "Castillo y Fujimori compiten en populismo en su primer cara a cara en Perú," Agencia EFE, May 1, 2021, <https://www.efe.com/efe/america/politica/castillo-y-fujimori-compiten-en-populismo-su-primer-cara-a-peru/20000035-4526222>.

- Ивановский, З.В. Латинская Америка в новом тысячелетии: социальная панорама и динамика политических процессов // *Латинская Америка*. – 2019. – №8. – С. 6–22. <https://doi.org/10.31857/S0044748X0005576-2>.
- Iwanowski, Z.V. "Latin America in the new millennium: social panorama and dynamics of political processes." *Latinskaya Amerika* 8 (2019): 6–22. <https://doi.org/10.31857/S0044748X0005576-2>. [In Russian]
- Латинская Америка: испытания демократии. Векторы политической модернизации* / Отв. ред. М.Л. Чумакова. – М.: ИЛА РАН, 2009. – 264 с.
- Chumakova, M.L., ed. *Latin America: tests for democracy. Political modernization's trends*. Moscow: ILA RAS, 2009. [In Russian]
- Национализм в Латинской Америке: политические и идеологические течения* / Отв. ред. А.Ф. Шульговский. – М.: Наука, 1976. – 368 с.
- Shulgovsky, A.F., ed. *Nationalism in Latin America: Political and ideological trends*. Moscow: Nauka, 1976. [In Russian]
- Окунева, Л.С. Бразилия: политический сезон «осень/зима 2020». К «500 дням» правления президента Жаира Болсонару // *Латинская Америка*. – 2020(a). – №10. – С. 21–38. <https://doi.org/10.31857/S0044748X0011329-0>.
- Okuneva, L.S. "Brazil: political season "fall/ winter 2020." To the "500 days" of the reign of President Jair Bolsonaro." *Latinskaya Amerika* 10 (2020(a)): 21–38. <https://doi.org/10.31857/S0044748X0011329-0>. [In Russian]
- Окунева, Л.С. Правый популизм в Бразилии и его отголоски в других латиноамериканских странах // *Правый популизм: глобальный тренд и региональные особенности* // Под ред. Л.С. Окуневой, А.И. Тевдой-Бурмули. – Москва: МГИМО-Университет, 2020(b). – С. 337–382.
- Okuneva, L.S. "Right-wing populism in Brazil and its echoes in other Latin American countries." In *Right-wing populism: Global trend and regional features*, edited by L.S. Okuneva, and A.I. Tevdoi-Burmuli, 337–382. Moscow: MGIMO University, 2020(b). [In Russian]
- Паин, Э.А., Федюнин, С.Ю. Популизм и элитизм в современной России: анализ взаимосвязи // *Политические исследования*. – 2019. – №1. – С. 33–48. <https://doi.org/10.17976/jpps/201901.04>.
- Pain, E.A., Fediunin, S.Yu. "Populism and elitism in contemporary Russia." *Polis. Political Studies* 1 (2019): 33–48. <https://doi.org/10.17976/jpps/201901.04>. [In Russian]
- Ткаченко, В.А. Феномен Фухимори. Авторитаризм versus демократия. – М.: ИЛА РАН, 2002. – 232 с.
- Tkachenko, V.A. *The Fujimori phenomenon. Authoritarianism versus democracy*. Moscow: ILA RAS, 2002. [In Russian]
- Яковлев, П.П. Латинская Америка на мировой геополитической карте // *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*. – 2015. – №4(15). – С. 20–28.
- Yakovlev, P.P. "Latin America role in international politics." *Vestnik RUDN. International Relations* 15, no. 4 (2015): 20–28. [In Russian]
- Яковлев, П.П., Яковлева, Н.М. Протестный потенциал Латинской Америки: региональный срез глобального феномена // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2020. – №7(64). – С. 89–99. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-7-89-99>.
- Yakovlev, P.P., Yakovleva, N.M. "Protest potential of the Latin America: regional aspect of global phenomenon." *World Economy and International Relations* 64, no. 7 (2020): 89–99. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-7-89-99>. [In Russian]
- Яковлева, Н.М. Время и бремя популизма // *Латинская Америка*. – 2016. – №12. – С. 90–97.
- Yakovleva, N.M. "The time and burden of populism." *Latinskaya Amerika* 12 (2016): 90–97. [In Russian]
- Яковлева, Н.М. Латинская Америка: президентская власть и оппозиция в XXI веке // *Контурсы глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. – 2018. – №3(11). – С. 166–184. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2018-11-3-166-184>.
- Yakovleva, N.M. "Latin America: presidential power and the opposition in the 21st century." *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law* 11, no. 3 (2018): 170–171. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2018-11-3-166-184>. [In Russian]
- Яковлева, Н.М., Яковлев, П.П. Латинская Америка: дорога к коронакризису // *Контурсы глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. – 2020. – №5(13). – С. 73–93. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-5-5>.
- Yakovleva, N.M., Yakovlev, P.P. "Latin America: the road to the coronacrisis." *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law* 13, no. 5 (2020): 73–93. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-5-5>. [In Russian]

Álvarez, Gloria. *Como hablar con un progre*. Barcelona: Deusto, 2017.

Guerrero, Juan Carlos. "Militarismo, nacionalismo y populismo. El caso de Argentina y Brasil." *Historia Crítica* 13 (1996): 60-67. <https://doi.org/10.7440/HISTCRIT13.1996.07>.

Guadagni, Alieto Aldo. *Contradicciones de la globalización. Oportunidades, desafíos y amenazas que enfrenta la Argentina en el siglo XXI*. Buenos Aires: Siglo XXI, 2004.

Halperín, Donghi Tulio. *Historia contemporánea de América Latina* [Contemporary history of Latin America]. Buenos Aires: Alianza, 2013. [In Portuguese]

Kaiser, Axel, and Gloria Álvarez. *El engaño populista. Por qué se arruinan nuestros países y como rescatarlos*. Barcelona: Deusto, 2016.

Laclau, Ernesto. *Razón populista*. Madrid: Fondo de Cultura Económica de España, 2005.

López Obrador, Andrés Manuel. 2018. *La salida: decadencia y renacimiento de México*. España: Diana, 2017.

Malamud, Carlos. *Populismos latinoamericanos. Los tópicos de ayer, de hoy y de siempre*. Oviedo: Ediciones Nobel, 2010.

Manrique, Luis "El populismo del siglo XXI." *Política Exterior* 27, no. 153 (2013): 84-94.

Mudde, Cas, and Kaltwasser Cristóbal. *Populism in Europe and the Americas: threat or corrective for democracy*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

Wehner, Leslie. "El neo-populismo de Menem y Fujimori: desde la primera campaña electoral hasta la reelección en 1995." *Revista ENFOQUES* 2 (2004): 25-56.

Weyland, Kurt. *The politics of market reform in fragile democracies. Argentina, Brazil, Peru, and Venezuela*. Princeton: Princeton University Press, 2002.

Artículo de investigación

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2022-10-1-10-26>

Populismo latinoamericano: contexto histórico y tendencias actuales

© P.P. Yakovlev, N.M. Yakovleva, 2022

Petr P. Yakovlev, Dr. habil. (Economía), Investigador Principal del Centro de Estudios Ibéricos, Instituto de Latinoamérica afiliado a la Academia de Ciencias de Rusia, Moscú (Rusia)

Para la correspondencia: 115035, Rusia, Moscú, calle Bolshaya Ordynka, 21/16

Nailya M. Yakovleva, PhD (Historia), Investigador Principal del Centro de Estudios Políticos, Instituto de Latinoamérica afiliado a la Academia de Ciencias de Rusia, Moscú (Rusia)

Para la correspondencia: 115035, Rusia, Moscú, calle Bolshaya Ordynka, 21/16

E-mail: petrp.yakovlev@yandex.ru
(para la correspondencia del autor)

E-mail: nel-yakovleva@yandex.ru

Recibido: 23.01.2022

Revisado: 19.02.2022

Aceptado: 01.03.2022

Para citar: Yakovlev P.P., Yakovleva N.M. Populismo latinoamericano: contexto histórico y tendencias actuales. *Cuadernos Iberoamericanos* 10, no. 1 (2022): 10-26. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2022-10-1-10-26>.

→ Resumen

El artículo muestra el papel del populismo en la historia y la modernidad política de los países latinoamericanos como un tema científico, práctico, importante y relevante, pero a la vez complejo, que ha estado causando discusiones agudas en la comunidad de expertos durante más de una década. Esto se debe a una serie de razones. También cabe recalcar la inconsistencia y ambigüedad del populismo como fenómeno social, su naturaleza dinámica y variable, que plantea constantemente nuevas tareas de investigación para los científicos, hace que una gran cantidad de material empírico adicional se incluya en el campo del análisis. Pero lo más relevante es diferente. América Latina es la cuna del populismo moderno. Aquí, como en ninguna otra región del mundo, el populismo ha echado raíces profundas y firmes, se ha convertido en parte integral del paisaje social, en una característica específica de los procesos políticos. Decenas de destacadas figuras populistas encabezaron gobiernos en la mayoría de los estados de la región, fueron fundadores de importantes partidos y movimientos políticos y dejaron una huella imborrable en la historia latinoamericana. En la actualidad, los populistas de diferentes, a veces de creencias opuestas o sin ninguna, están a la cabeza de los principales países de América Latina, en muchos aspectos forman el vector del desarrollo socioeconómico de toda la región. Todo esto determina la relevancia del artículo y su objetivo principal es explorar el tema del populismo latinoamericano sobre la base de nuevos conocimientos y fenómenos, tratando de cumplir la difícil tarea de comprender el linaje político – ideológico de este fenómeno, proporcionar una evaluación objetiva de los factores que determinan la sostenibilidad de la tradición populista en la región, considerar las perspectivas para el desarrollo de regímenes populistas. El carácter científico del trabajo es la interpretación del autor de la ideología y la práctica del populismo, basada en métodos de investigación histórica y análisis comparativo, que permite resaltar las características inherentes en una u otra medida a todas las variedades de regímenes populistas de América Latina. La principal conclusión de los autores es la afirmación de los viejos métodos extraídos por los líderes populistas modernos que no podrán responder a los nuevos desafíos que surgen en la actualidad y que le aguardan a los países de América Latina en el futuro.

→ Palabras clave

Populismo, América Latina, lucha política, regímenes populistas, autoritarismo competitivo, “Populismo Pandémico”

Declaración de divulgación: Los autores declaran que no existe ningún potencial conflicto de interés.